

ИРВИН ЯЛОМ

ВСЕ МЫ
ТВОРЕНИЯ НА ДЕНЬ

БОМБОРА™

Москва 2019

УДК 159.9
ББК 88.52
Я51

Irvin D. Yalom
CREATURES OF A DAY and Other Tales

Copyright © Irvin D. Yalom, Dr, 2015. First published by Basic Books,
A Member of the Perseus Books Group.
Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Agency

Ялом, Ирвин.

Я51 Все мы творения на день / Ирвин Ялом ; [пер. с англ. Е. Перовой]. – Москва : Эксмо, 2019. – 224 с. – (Ирвин Ялом. Легендарные книги).

ISBN 978-5-04-102088-0

Жизнь – самое драгоценное, что у нас есть. Мы боимся ее потерять, боимся не увидеть утром знакомый пейзаж, не услышать голоса родных, не наладить отношения с теми, с кем когда-то повздорили, не посетить мест, о которых мечтали. Кажется, что для этого мало и вечности, что уж говорить о том времени, которое отведено каждому из нас. Пожалуй, лишь немногие готовы встретиться со смертью спокойно – без ужаса, а ведь рано или поздно она ждет каждого. В этой книге Ирвин Ялом представляет истории из психотерапевтической практики. Их осмысление помогает переоценить свое положение, принять мысль о конечности и верно расставить приоритеты в сегодняшней жизни.

УДК 159.9
ББК 88.52

© Перова Е., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102088-0

Посвящается Мэрилин, моей жене.

Мы вместе шестьдесят лет,

и мне все еще мало

*Все мы творения на день: и кто помнит,
и кого помнят. Все эфемерно – и память,
и воспоминания. Неизбежен тот час, когда
ты все забудешь; и неизбежен час, когда забудут
тебя. Всегда помни, что скоро станешь
никем и нигде.*

Марк Аврелий. Размышления

ГЛАВА 1

ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ЗИГЗАГ

Доктор Ялом, я бы хотел прийти к вам на консультацию. Я прочитал ваш роман «Когда Ницше плакал» и подумал, вдруг вы не откажетесь встретиться с коллегой-писателем, переживающим творческий ступор.

Пол Эндрюс

Этим письмом, пришедшим на электронную почту, Пол Эндрюс явно стремился разбудить мое любопытство. Надо признать, это ему удалось: я бы никогда не отказал коллеге-писателю. Что касается творческого ступора, мне посчастливилось никогда не встречаться с этим явлением, и я бы полон решимости помочь Полу в его проблеме.

Десять дней спустя он явился на сессию. Я был поражен его внешним видом. Почему-то я ожидал увидеть человека средних лет, изнуренного душевными переживаниями, но полного страсти к жизни. Однако в мой кабинет вошел седой старик, скрюченный так, будто он разглядывает что-то на полу. Глядя, как Пол Эндрюс медленно, дюйм за

доймом, преодолевает путь до кресла, я задумался: чего ему стоило добраться до моего офиса, расположенного в самой верхней точке Рашн-Хилл¹. Мне показалось, что я явственно слышу, как скрипят его суставы.

Взяв из рук Пола тяжелый потертый портфель, я помог ему сесть.

— Благодарю, благодарю вас, молодой человек. И сколько же вам лет?

— Восемьдесят, — ответил я.

— Ах-ах, где мои восемьдесят?

— Сколько же лет вам?

— Восемьдесят четыре. Да-да, восемьдесят четыре. Вы, должно быть, поражены? Большинство людей считает, что мне не больше сорока.

Наши взгляды встретились, и я был очарован искорками озорства в его глазах и мелькнувшей улыбкой. Молча мы смотрели друг на друга, и мне показалось, что мы нежмися в теплых лучах старой дружбы — как два путешественника, плывущих на одном корабле и одной холодной туманной ночью в разговоре на палубе выяснивших, что выросли по соседству. Мы мгновенно узнали друг друга: наши родители переживали Великую депрессию, мы следили за легендарными дуэлями между Ди Маджо и Тедом Уильямсом², помнили масло и бензин по карточкам, День Победы в Европе, «Гроздь гнева» Стейнбека и «Стадс Лониган» Фаррелла.

Слова были излишни; между нами чувствовалось столько общего, что наш контакт не вызывал сомнений. Пора было переходить к работе.

— Итак, Пол, если позволите обращаться к вам по имени...

— Разумеется, — кивнул он.

---

¹ Район в Сан-Франциско, Калифорния. — *Здесь и далее: Прим. перев.*

² Выдающиеся американские игроки в бейсбол.

— Я знаю о вас лишь то, что вы сообщили в своем кратком письме. Вы написали, что мы с вами собратья по перу, вы прочитали мой роман о Ницше и у вас творческий ступор.

— Да, и я прошу об одной-единственной консультации. Я ограничен в средствах и не могу позволить себе больше.

— Постараюсь сделать все возможное. Давайте же приступим и будем максимально эффективны. Расскажите все, что мне следует знать о вашем ступоре.

— Я расскажу немного о себе, если вы не против, — начал Пол.

— Отлично, — кивнул я.

— Придется вернуться во времена моего студенчества. На последнем курсе Принстона я изучал философию и работал над диссертацией о несовместимости представлений Ницше о детерминизме и его восхваления идеи самопреобразования. Но я не мог закончить работу. Меня постоянно отвлекали интереснейшие письма Ницше, особенно адресованные его друзьям и собратьям-писателям — таким как Стриндберг. Постепенно я утратил интерес к философии Ницше и стал больше ценить его как художника. Я начал относиться к нему как к поэту с самым мощным голосом в истории человечества, голосом настолько величественным, что он затмил его идеи. И вскоре мне не оставалось ничего другого, кроме как сменить факультет и продолжить писать диссертацию уже по литературе. Шли годы, мое исследование продвигалось, но я попросту не мог ничего написать. В конце концов я пришел к выводу, что художника можно показать только художественным методом, и оставил идею о диссертации, решив вместо этого написать о Ницше роман. Однако творческий ступор не удалось обмануть сменой тактики. Он стоял намертво, как гранитная скала. Так и стоит по сей день.

Я был поражен. Полу восемьдесят четыре года. Работу над диссертацией он начал лет в двадцать пять, шестьдесят лет назад. Мне попадались вечные студенты, но шестьдесят лет?! Поставить жизнь на паузу длиной в шестьдесят лет? Нет-нет, не может быть!

— Пол, расскажите мне, что происходило в вашей жизни после колледжа.

— Рассказывать особо нечего. Разумеется, в Принстоне в конце концов решили, что я у них засиделся, и выгнали меня. Но страсть к чтению была у меня в крови, я не мог жить без книг, поэтому устроился на работу в университетскую библиотеку. Там и проработал до пенсии, безуспешно пытаясь начать писать. Вот и вся моя жизнь, прибавить больше нечего.

— Расскажите еще. У вас есть семья? Значимые люди?

На лице Пола промелькнуло нетерпение.

— Ни братьев, ни сестер. — Он произнес это так поспешно, будто выплюнул эти слова. — Дважды женат, дважды разведен. К счастью, оба брака недолгие. И без детей, слава богу.

«Странное дело, — подумал я. — Пол, поначалу казавшийся общительным и открытым, словно старается дать мне как можно меньше информации. Что ж такое?»

Я настойчиво продолжил:

— Вы собирались написать роман о Ницше и в своем имейле упомянули, что читали мою книгу «Когда Ницше плакал». Можете рассказать об этом побольше?

— Я не понимаю ваш вопрос.

— Какие чувства вызвала у вас моя книга?

— Поначалу сюжет буксовал, но постепенно дело пошло лучше. Несмотря на высокопарный язык и вычурные, неправдоподобные диалоги, это было в целом небезынтересное чтение.

— Нет-нет, меня интересует ваша реакция на книгу с учетом того, что вы сами хотели написать роман о Ницше. Эта ситуация должна была вызвать какие-то чувства.

Пол потряс головой, будто отмахиваясь от бессмысленного вопроса. Не понимая, что делать, я продолжал спрашивать:

— Расскажите, как вы решили обратиться ко мне? Причиной стал мой роман?

— Ну, какова бы ни была причина, сейчас мы здесь.

С каждой минутой все страннее. Но если я хочу, чтобы наша консультация помогла Полу, мне надо больше узнать о нем. Я решил прибегнуть к старому доброму вопросу, который всегда приносил информацию.

— Мне нужно побольше узнать о вас, Пол. Думаю, нашей сегодняшней работе пойдет на пользу, если вы расскажете, как проходит ваш обычный день, точнее, сутки. Как можно более подробно. Выберите какой-нибудь день этой недели, и давайте начнем с вашего пробуждения.

Я почти всегда задаю этот вопрос на сессии, поскольку он позволяет получить бесценные сведения о множестве сфер жизни пациента — о том, как он спит, ест, что ему снится, но больше всего я хочу узнать, какие люди «населяют» жизнь пациента.

Но Пол не разделял мой исследовательский энтузиазм. Он снова слегка потряс головой, будто отгоняя мой вопрос подальше:

— У нас есть темы поважнее. Много лет я переписывался с руководителем диссертации, профессором Клодом Мюллером. Вы знакомы с его работами?

— Я читал биографию Ницше его авторства. Замечательная книга.

— Хорошо. Очень хорошо! Я весьма рад услышать ваше мнение, — живо откликнулся Пол, открывая свой портфель

и вынимая увесистую папку-скоросшиватель. — Вот, я прихватил тут подшивку писем и хотел бы, чтобы вы их прочли.

— Когда? Прямо сейчас?!

— Да, это самое важное, чем мы можем заняться на консультации.

Я посмотрел на часы.

— Но ведь у нас всего одна сессия. Чтение займет час, а то и два, и было бы куда полезнее, если бы мы...

— Доктор Ялом, поверьте, я знаю, о чем прошу. Начните читать. Пожалуйста.

Я был в крайнем замешательстве. Что же делать? Пол абсолютно убежден в своей правоте. Я напомнил ему о временных ограничениях, он ясно осознает, что у него есть одна-единственная сессия. Может, Пол в самом деле понимает, что делает? Возможно, он считает, что эта переписка даст мне всю необходимую информацию о нем? Да-да, наверняка так оно и есть.

— Пол, вы имеете в виду, что эта переписка расскажет мне о вас все, что нужно?

— Если вам необходимо так думать, чтобы начать читать, ответ: да.

Давно я не оказывался в такой необычной ситуации. Разговор по душам — моя профессия, привычная территория, где я всегда чувствую себя комфортно. Но в этом диалоге все шло не так. Может, мне стоит просто отдаться потоку? В конце концов, этот час принадлежит Полу, он оплатил его.

Ощущая некоторое головокружение, я решил подчиниться и протянул руку за подшивкой писем.

Передавая мне тяжелую папку, Пол сообщил, что их переписка с профессором Мюллером продолжалась сорок пять лет и оборвалась со смертью профессора в 2002 году. Я начал листать страницы, пытаюсь понять, с чем

мне предстоит иметь дело. Было заметно, что подшивку делали с большой заботой. Похоже, что Пол сберег, пронумеровал и проставил даты на всех письмах, которыми обменялся с профессором, будь то короткая записка о чем-то мимолетном или пространные рассуждения на нескольких страницах. Письма Мюллера заканчивались его небольшой, изящной подписью, в то время как письма Пола — как ранние, написанные под копирку, так и более поздние ксерокопии — были подписаны простой буквой «П».

— Пожалуйста, начинайте, — кивнул мне Пол.

Я прочитал первые несколько писем и убедился, что переписка увлекательна и чрезвычайно учтива. Было очевидно, что профессор Мюллер глубоко уважает Пола и в то же время не одобряет его восторг от словесных игр. В самом первом письме он отмечал: «Вижу, что вы влюблены в слова, мистер Эндрюс. Вам нравится вальсировать с ними. Но слова — это просто знаки, мелодию же создают идеи. Именно *идеи* определяют нашу жизнь».

«Признаю свою вину, — написал Пол в ответном письме. — Я не занимаюсь перевариванием и усвоением слов, я люблю танцевать с ними и, надеюсь, никогда не разлюблю».

Через несколько писем они, несмотря на разницу в положении и разделяющие их полвека, отказываются от формальных «мистер» и «профессор» и начинают обращаться друг к другу по имени: Пол и Клод.

В другом письме мой взгляд выхватил фразу Пола: «Я никогда не упускаю возможность озадачить своего собеседника». Что ж, выходит, не только мне досталось. «Следовательно, я буду всегда в объятиях одиночества, — продолжил он. — Знаю, что ошибаюсь, предполагая у других ту же страсть к хорошо сказанному слову. Знаю, что навязываю

им свою страсть. Только представьте, как все в ужасе разбегаются, стоит мне приблизиться».

«Вот это важно», — подумал я. «В объятиях одиночества» — красивый оборот, придающий словам поэтическую окраску, но за этим стоит действительно очень одинокий старик.

Еще через несколько писем у меня произошел инсайт. Я наткнулся на абзац, который, возможно, был ключом к пониманию всей этой чрезвычайно странной консультации. Пол писал: «Понимаете, Клод, мне только и остается, что искать самый утонченный и возвышенный ум, какой можно найти. Мне нужен ум, который смог бы оценить мои чувства, мою любовь к поэзии. Ум ясный и достаточно упорный, чтобы вступить со мной в диалог. Заставляют ли мои слова биться ваше сердце быстрее, Клод? Мне нужен легкий на подъем партнер для этого танца. Не окажете ли мне честь?»

Догадка молнией озарила мой разум. Я понял, почему Пол так настаивал, чтобы я прочел переписку! Это же очевидно. Как же я не сообразил? Профессор Мюллер умер двенадцать лет назад, и Пол ищет себе другого партнера по танцу! Вот какую роль сыграл здесь мой роман о Ницше. Неудивительно, что я был сбит с толку. Мне казалось, что это я расспрашиваю его, в то время как на самом деле он *проводил со мной собеседование*. Вот что здесь происходило.

* * *

Секунду я смотрел в потолок, раздумывая, как выразить словами свое озарение, но Пол прервал мои размышления, указав на часы: «Доктор Ялом, прошу вас, время идет. Продолжайте читать». Я выполнил его просьбу.

Письма были увлекательны, и я охотно погрузился в них **ВНОВЬ**.

В первом десятке писем отчетливо сквозили отношения учителя и ученика. Клод нередко давал Полу задания, например: «Пол, я бы хотел, чтобы вы написали работу по сравнению мизогинии у Ницше и у Стриндберга». Я предположил, что Пол выполнял эти задания, однако упоминаний о них больше не встречал. Должно быть, они обсуждали его работы при личной встрече. Но постепенно, примерно за год, роли ученика и учителя стерлись, о заданиях речь больше не заходила, и стало трудно понять, кто из них ученик, а кто учитель.

Клод посылал Полу свои стихи и просил комментариев, и ответы Пола не отличались почтительностью, когда он призывал Клода отключить интеллект и отдаться бурному потоку чувств. Клод же, со своей стороны, критиковал стихи Пола за избыток страсти при отсутствии внятного содержания.

С каждым письмом их отношения становились все более близкими и глубокими. Я задавался вопросом, не держу ли я в руках все, что осталось от великой любви Пола, любви всей его жизни. Может быть, Пол страдает от постоянной неутолимой *тоски*. Да-да, наверняка, так и есть. Именно это он пытается сообщить мне, заставляя читать переписку с давно ушедшим профессором.

Время шло, я пробовал одну гипотезу за другой, но ни одна не давала исчерпывающего объяснения. Чем дальше я читал, тем больше передо мной вставало вопросов. Зачем Пол пришел ко мне? Он назвал своей главной проблемой творческий ступор, так почему же он не выказывает ни малейшего интереса к обсуждению этого ступора? Почему он не рассказал мне подробнее о своей жизни? Зачем он так настаивает, чтобы все имеющееся у нас время я потратил на чтение старых писем? Нам нужно это выяснить. Я твердо решил проговорить все эти вопросы с Полом до того, как время сессии выйдет.